

Рекомендация для цитирования:

Маретина К.А. Индийская деревня в XXI веке: мифы и реалии. Рецензия на: Jodhka, S.S. (2023) *The Indian Village: Rural Lives in the 21st Century*. New Delhi: Aleph Book Company. 279 p. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2025. № 3 (43). С. 225–235.

For citations:

Maretina, K.A. (2025) "Indian Village in the 21st Century: Myths and Realities. Review of: Jodhka, S.S. (2023) *The Indian Village: Rural Lives in the 21st Century*. New Delhi: Aleph Book Company. 279 p.", *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 3 (43): 225–235.

Поступила в редакцию: 31.05.2025; принята в печать: 10.09.2025.

Received: 31.05.2025; Accepted for publication: 10.09.2025.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2025 by the author

Индийская деревня в XXI веке: мифы и реалии

Рецензия на: Jodhka, S.S. (2023) *The Indian Village: Rural Lives in the 21st Century*. New Delhi: Aleph Book Company. 279 p.

КСЕНИЯ А. МАРЕТИНА

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). ksenya.maretina@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2445-4050

Indian Village in the 21st Century: Myths and Realities

Review of: Jodhka, S.S. (2023) *The Indian Village: Rural Lives in the 21st Century*. New Delhi: Aleph Book Company. 279 p.

KSENYA A. MARETINA

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences. ksenya.maretina@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2445-4050

Книга Суриндера Джодхки *The Indian Village: Rural Lives in the 21st Century* («Индийская деревня: Жизнь в сельских районах в XXI веке») представляет собой важный вклад в изучение сельской Индии в контексте масштабных исторических процессов, социально-экономических и культурных трансформаций. Автор, известный индийский социолог и эксперт по вопросам сельского развития, предлагает многогранный анализ изменений, происходящих в индийских деревнях, и их влияния на жизнь различных групп сельских жителей и всей страны. Результаты его исследования оспаривают традиционные стереотипы о сельской Индии как о статичном и изолированном пространстве, предлагая свежий взгляд на динамику сельской жизни от колониального периода до наших дней.

Книга состоит из девяти глав, которые, в свою очередь, разбиты на тематические разделы, что делает удобным ознакомление с трудом индийского ученого. Большую значимость книге придает то, что автор ставит целью опровергнуть устоявшиеся и укорененные в обществе мифы, связанные с сельской Индией, прибегая к многочисленным полевым исследованиям.

При этом Суриндер Джодхка обращается как к своим полевым материалам, так и качественным и количественным данным, собранным и составленным другими исследователями — этнографами, социологами, экономистами.

В первой главе *'Village': The Lost Home* («Деревня: Утраченный дом») автор описывает основные стереотипы, присущие восприятию индийской деревни, и историю их возникновения. Он отмечает характерное для общечеловеческой истории сосуществование сельских и городских поселений. В Южной Азии уже с эпохи древности начался рост и развитие городских центров, который продолжился в средневековый период. Однако британцы, с середины XVI века постепенно подчиняя себе территории Индостана, в своих описаниях редко упоминали индийскую городскую культуру. Процесс колонизации нуждался в оправдании, и в трудах и письмах британских администраторов Индия представляла краем «деревень-республик» — автономных, традиционных и единообразных, — соответственно, колонизация не должна была потревожить их внутренней гармонии и порядков, построенных на непререкаемом исполнении кастовых пред-

писаний. Как демонстрирует автор на основании исторических сведений, такой взгляд не имел ничего общего с действительностью. Города составляли важную часть индийских поселений, деревни же отличались большим разнообразием и не были изолированы от внешних социокультурных, политических и экономических процессов. Затрагивает исследователь и тему маргинализации идеи деревни и связанной с ней идентичности в общественном сознании в период либерализации 1990-х годов.

Во второй главе *How the Village Comes to Be Seen as a Site of Deficit* («Как деревня стала восприниматься местом дефицита») Суриндер Джодхка стремится показать несостоительность европоцентричных теорий прогресса и развития в приложении к индийской деревне. Отвергая концепцию бинарной оппозиции города и деревни, он рассматривает общепринятый взгляд на индийскую деревню как социальный конструкт, который сформировался в период колониализма благодаря британским правителям и европейским ориенталистам. Изначально в колониальном дискурсе, а затем в дискурсе националистическом Индия рассматривалась

как «страна деревень» в противовес городскому западному обществу. Такой взгляд на Индию формировался исходя из потребностей колонизаторов, то есть был произведен искусственно и поддерживался для сохранения и продвижения колониальной идеологии, а не конструировался более естественным, эмпирическим образом.

Как можно заметить, позиция автора книги соответствует парадигме постколониальных изысканий, большой вклад в которые сделали как раз индийские ученые, а также ученые индийского происхождения (Гаятри Чакраворти Спивак, Хоми К. Бхабха, Ранаджит Гуха и другие). Так, например, согласно американскому исследователю индийского происхождения Хоми Бхабхе, прогрессивность «западных» форм социальной и экономической организаций в противовес стереотипной отсталости колонизируемой культуры служила оправданием проекта колониализма¹.

В третьей главе *The Village as the Nation: Making of the Indian Common Sense* («Деревня как нация: Становление индийского здравого смыс-

¹ Bhabha, Homi K. (2012) *The Location of Culture*, pp. 82–84. Routledge.

ла») Суриндер Джодхка приводит три различные точки зрения на индийскую деревню, которые оказали значительное влияние на формирование представления о ней в общественном сознании.

Апроприация колониального нарратива индийскими националистами, в соответствии с которым деревня рассматривалась как альтернативное сообщество, не испорченное западным влиянием, привело в начале XX века к восприятию деревни как «реальной», аутентичной и истинной Индии. Одним из наиболее преданных сторонников этой концепции был Махатма Ганди, влияние которого способствовало закреплению этого стереотипа в общественном сознании. Ганди настаивал на необходимости восстановления традиционной деревни, разрушенной под влиянием британцев. Первый премьер-министр Индии, Джавахарлал Неру, также придерживался взглядов, оформленных на основе ориенталистских трудов колониального периода. Однако, в отличие от Ганди, он работал не за возрождение «деревень-республик», а за их модернизацию и технологизацию. Наконец, Б. Р. Амбедкар подвергал резкой критике идею возрождения традици-

онной деревни, в которой он, будучи выходцем из низших каст, видел в первую очередь воплощение дискриминирующих порядков варно-кастовой иерархии.

Автор обращает внимание на то, что при всех различиях во взглядах представления национальных лидеров базировались на понимании индийской деревни как деревни индуистской, строящейся на основании кастовой системы; в соответствии с ориенталистской парадигмой они воспринимали ее как некий гомогенный конструкт, не придавая значения ее многочисленным вариациям на территории Индии.

Далее, как наглядно демонстрирует исследователь, не только Индия во время прихода британцев не представляла из себя «страну деревень», но и была территорией достаточно урбанизированной, с развитыми городскими центрами; колонизация повлекла за собой деурбанизацию. Более того, в четвертой главе *The Actually Existing Villages: History and Ethnography* («Реально существующие деревни: История и этнография») автор описывает, как неэффективное управление колонией со стороны британских властей, плохо понимающих реалии подконтрольной территории, вызва-

ло крайне негативные последствия для сельского хозяйства и во многом способствовало его упадку. Стремясь к тому, чтобы увеличить свою прибыль и одновременно заручиться поддержкой класса заминдаров — индийских крупных землевладельцев, колониальные власти вводили новые системы налогообложения, которые привели к усилению заминдаров, а положение обычных крестьян, обложенных многочисленными налогами, значительно ухудшилось. Экономические реформы британцев привели к коммерциализации сельского хозяйства, что сделало население гораздо более уязвимым в периоды голода и неурожая.

В своей книге Суриндер Джодхка постоянно указывает на важность того, что при разработке сельскохозяйственных проектов необходимо исходить из реалий социальных отношений, экономических факторов и иерархий, которые де-факто существуют в деревне. Так, многие из проектов, которые внедряло после обретения независимости индийское правительство с целью сельского развития, оказались малоэффективны, поскольку не учитывались особенности социального устройства индийской деревни, в которой важную

роль играют такие категории, как каста и класс. Эти государственные проекты и сложности, связанные с их реализацией, рассмотрены в пятой главе *Rural Development: State Policies and the Village Life* («Развитие сельских территорий: Государственная политика и жизнь в деревне»).

Шестая и седьмая главы — *Rural Livelihoods: Agriculture and Non-farm Economy* («Сельское благосостояние: Земледелие и нефермерская экономика») и *Rural Transformations: Declining Agriculture and the Crisis of Village Life* («Сельские трансформации: Упадок сельского хозяйства и кризис деревенской жизни») — посвящены анализу роста сельского хозяйства в период «Зеленой революции» 1960–1980-х годов, связанной с внедрением более продуктивных сортов растений и новых технологий, и последующего упадка земледелия в период либерализации экономики и уменьшения государственных субсидий в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Как проницательно отмечает автор, этот упадок был не только экономическим, но и идеологическим, и сопровождался утратой восприятия сельского хозяйства как ценности (р. 138). Постепенная диверсификация сельской эко-

номики, в которой значительно снизилась доля земледелия, привела к сдвигу в самоопределении у представителей индийского сельского населения: перестала быть основным занятием, у многих фермеров наступило разочарование в сельском хозяйстве. Кризис сельского хозяйства был также связан с социальными и политическими изменениями, происходящими в индийской деревне, где, благодаря внедрению новых технологий и под давлением низших каст, происходило постепенное ослабление традиционных иерархий (р. 160).

Крайне важным представляется наблюдение автора о том, что многочисленные трансформации, происходящие в сельской жизни, были по-разному восприняты разными слоями населения — так, представители низших каст позитивно отреагировали на ослабление варно-кастовой системы, в то время как высшие касты сожалели об утрате былой власти и привилегий (р. 164). Именно семьи доминирующих каст, чья позиция в сельской иерархии пошатнулась, были первыми, кто начал переселяться из деревни в город. Меняющиеся паттерны деревенской социальной жизни исследователь подробно рассматривает в восьмой

главе *Caste, Class and Gender: Changing Social Life* («Касты, классы и гендер: Перемены в социальной жизни»), где он стремится опровергнуть стереотипы о коллективной организации сельской жизни, которую принято противопоставлять индивидуализации городских жителей (р. 171). Такое ограниченное суждение, как демонстрирует ученый, не выдерживает критики; поселения Индии многообразны, а «реально существующие деревни следует рассматривать в их региональном контексте, в отношении масштабных исторических процессов, связанных с властью, экономикой и экологией» (р. 174). Обращаясь к реалиям, связанным с кастой, исследователь анализирует две традиционные формы социальной организации — варно-кастовую систему и систему джаджмани, показывая, что они обе всегда были подвижны и вариативны и зависели от локальных контекстов.

Ослабление кастовых и классовых отношений привело к большей мобильности малоземельных и безземельных сельских работников и вылилось в масштабные миграции. Крайне интересными представляются наблюдения, связанные с паттернами индийской тру-

довой миграции, оформленной в последние десятилетия: эта миграция имеет циклический характер и не соответствует классической демографической модели, согласно которой люди постепенно переселяются из деревень в города, ускоряя процессы урбанизации (р. 189). Данный паттерн трудовой миграции в том числе оказал влияние на гендерные отношения, особенно в экономически отсталых районах: так, в то время как мужчины отправлялись на заработки, женщины становились временно во главе хозяйства (р. 194).

Процессы демократизации и ослабления традиционных иерархий подробно рассмотрены в последней, девятой главе *Rural Power: Panchayats, Democracy and the State* («Власть в сельской местности: Панчаяты, демократия и государство»). С оттоком доминирующих каст из деревни в ней оставались в основном представители бедных слоев населения; «иными словами, большая часть индийских бедняков живет в сельских поселениях» (р. 219). Ученый настаивает на том, что касту следует рассматривать не только как систему ритуальной иерархии, но и как аспект сельской экономики. Сельскохозяйственные проекты и земельные ре-

формы, с различным успехом реализованные молодым индийским государством, способствовали демократизации сельской экономики, а также постепенному ослаблению связей джаджмани и кастовой идеологии, что имело различные последствия для разных групп сельского населения. Постепенная демократизация индийской деревни и возможность более активного участия в управлении деревней со стороны низших каст сами по себе не привели к улучшению их экономического положения, экономическая ситуация низкокастовых сельских жителей остается крайне неустойчивой.

Как видно из приведенного обзора, в своем исследовании ученый создает масштабную и многогранную картину трансформаций индийской деревни, приходя к заключению о том, что индийское сельское хозяйство не соответствует какой-либо одной модели экономического роста, но представляет собой набор паттернов, которые имеют большое значение с точки зрения экономической, политической и социальной жизни страны и требуют пристального изучения.

Стоит отметить, что для книги характерны периодические повторы — так, снова и снова автор возвращает-

ся к идеям о несостоительности бинарной оппозиции города и деревни и других бинарностей, таких, например, как «традиционное» и «современное»; о вреде европоцентризма; о важности эмпирических знаний о деревне и некорректности многих стереотипов, связанных с индийской деревней. Идея бинарных оппозиций как одного из главных свойств ориенталистской оптики очень характерна для постколониального дискурса². Так, исследователь Хоми Бхабха видел задачу ученых-постколониалистов в том, чтобы пересмотреть бинарную оппозицию Третьего мира и Первого мира, противостоять холистическим формам интерпретации общественных явлений, а также распознавать и исследовать нюансированные культурные и политические контексты³. В рамках постколониального подхода, начиная с 1980-х годов, исследователи, прежде всего из постколониальных стран, в своих работах начали

отходить от традиций универсального историзма, заявляли о невозможности приложения европейской методологии к индийскому контексту.

Таким образом, данное исследование сформировано в контексте постколониальной парадигмы. Большой интерес вызывают те заключения, к которым приходит ученый, отталкиваясь от идей, которые активно разрабатывались многочисленными, в том числе индийскими, исследователями-постколониалистами. Так, Суриндер Джодхка убедительно показывает, как стереотипы, касающиеся индийской деревни, перенятые националистами у британских колониалистов, продолжают влиять на восприятие деревни в общественном сознании в наши дни. Как демонстрирует исследователь, идея индийской деревни как гомогенного конструктора сохранилась у доминантных групп населения Индии с британских пор; социальную нишу колониальных правителей заместили локальные доминирующие классы, а именно городские представители среднего класса. Среди представителей среднего класса и элиты, которые пришли к власти в стране после обретения Индией независимости, сохранился высокомерный взгляд

² См., например: Said, E.W. (1979) *Orientalism*, p. 207. New York: Vintage books; Prakash, G. (1990) "Writing Post-Orientalist Histories of the Third World: Perspectives from Indian Historiography", *Comparative Studies in Society and History* 32 (2): 385; Bhabha, Homi K. *The Location of Culture*, p. 71.

³ Bhabha, Homi K. *The Location of Culture*, p. 173.

на деревню, характерный для британских колониалистов. При этом у представителей доминирующего среднего класса с деревней ассоциируется нарратив о потере, безвозвратно утраченном доме; вместе с тем деревня все больше воспринимается как территория экономической недоразвитости, социальной и культурной отсталости. Нарративы сельской жизни, с одной стороны, окрашены идеями негатива и упадка, с другой — для восприятия деревни характерно романтическое представление как об идиллическом гармоничном сообществе, лишенном конфликтов и внутренних противоречий. Ни одна из этих крайних позиций, однако, не отражает реалий. Они обе продолжают традицию ориенталистского взгляда на деревню как на крайне отсталый и архаичный и вместе с тем притягательный в своей первозданной простоте мир.

Образу деревни как гомогенного конструкта, символа индийской национальной идентичности и традиционной культуры автор противопоставляет осмысление исторических контекстов и полевых исследований, которые позволяют рассмотреть деревню как реальное явление во всей

ее сложности, изменчивости и гетерогенности.

В то время как статус среднего класса, начиная с конца XX века, постепенно стал новой нормой, вытесняя из общественного сознания и маргинализируя образ деревенского жителя, сама деревня никуда не исчезла. В сельской местности проживает значительная часть населения Индии, сельская экономика играет существенную роль в экономике страны; индийская деревня, несомненно, заслуживает внимания и изучения.

Крайне значимым представляется то, что, стремясь показать и осмыслить картину реально существующей индийской деревни, Суриндер Джодхка использует как качественные исследования, обращаясь к многочисленным полевым материалам разных лет, включая свои наблюдения и интервью с жителями различных деревень, так и количественные данные, что в совокупности делает его анализ глубоким и многомерным, а аргументы убедительными. Красной нитью проходит через книгу идея о том, что «для сельских реалий индийского субконтинента характерны значительные региональные вариации и разнообразные траектории изменения» (р. 152). Иссле-

дователь показывает внутреннюю динамику сельской жизни, а также взаимосвязанность сельского хозяйства с другими сферами экономики и процессыми, происходящими в государстве, стремясь развенчать миф о застойности и изолированности деревни и другие стереотипы, с ней связанные.

Стоит учитывать, что некоторые аспекты книги могут быть менее применимы к определенным регионам Индии, где сельская жизнь имеет свои особенности. Полевое исследование автора ограничено отдельными штатами Северной Индии, включая Харьяну, Пенджаб, Химачал Прадеш, Бихар, Гуджарат (р. 3) — при этом, как не раз отмечает в своем исследовании ученый, реалии сельской жизни в Индии чрезвычайно разнообразны. Таким образом, рассматриваемую книгу следует признать важной вехой в исследовании сельской жизни Индии, но никак не исчерпывающим трудом по данной теме, а наоборот, предлагающим более подробное и глубокое изучение отдельных сельских районов Индии в их исторической, социокультурной и экономической динамике.

В противовес упрощенному взгляду автор предлагает сложную и многообразную картину сельской жизни и экономики.

Суриндер Джодхка не идеализирует сельскую жизнь, но и не впадает в пессимизм, показывая ее устойчивость и способность к трансформации, а также имеющиеся сложности и противоречия, включая неравенство, бедность и различные экономические проблемы. Он исследует то, какую роль в сельской жизни играют такие важные для индийского контекста категории, как каста, класс и гендер, и показывает, какие изменения с ними произошли за период независимости Индии и продолжают происходить в наши дни. Нельзя также не согласиться с убеждением автора в том, что «реально существующая деревня» должна рассматриваться в ее региональном контексте и при этом в отношении масштабных исторических процессов, связанных с властью, экономикой и экологией.

Несмотря на все исторические сложности и современные трансформации, автор приходит к выводу, что «сельская жизнь продолжается, и ее история сложна и увлекательна» (р. 146); данное исследование мотивирует отбросить односторонний взгляд на деревню в рамках нарративов идеализации и упадка и посмотреть на нее во всей ее многоаспектности и динамике.

Книга Суриндера С. Джодхки является важным вкладом в современные дискуссии о сельском развитии, социальной стратификации и экономической модернизации Индии. Она предлагает не только анализ текущих изменений, но и ставит вопросы о будущем деревни в условиях глобализации и технологического прогресса. Книга будет полезна для социологов, этнографов, историков, культурологов, экономистов и всех, кто интересуется вопросами сельского развития

и социальных трансформаций, а также историей Южной Азии.

References

- Bhabha, Homi K. (2012) *The Location of Culture*. Routledge.
- Prakash, G. (1990) “Writing Post-Orientalist Histories of the Third World: Perspectives from Indian Historiography”, *Comparative Studies in Society and History* 32 (2): 383–408.
- Said, E.W. (1979) *Orientalism*. New York: Vintage books.